

Ван семья была уничтожена четыре дня назад. В полуразрушенном храме за пределами города Сяюань появился новый обитатель — оборванный, грязный нищий с всклокоченными волосами и лицом, покрытым гноящимися язвами и волдырями. Этим нищим был Ван Шэн, которому удалось утром ускользнуть из города прямо на глазах у людей клана Чэнь.

Покинув город, он набрел на этот заброшенный храм. Внутри никого не было, и он, обессиленный от многодневных попыток скрыться от погони и полученных ран, забился в кучу соломы и мгновенно провалился в сон.

— Поднимайся! Живо вставай! Ты посмел занять место нашего главаря? Жить надоело? — резкие выкрики разбудили его.

Ван Шэн увидел перед собой трех стариков-нищих, которые смотрели на него с угрозой. Один из них, плешивый, с гнойниками на голове, время от времени пинал его ногой. Удары были слабыми, но Ван Шэн, подыгрывая, принялся жалобно стонать и отполз в сторону.

Увидев, что он послушно убрался, старики успокоились. Плешивый перестал пинать его и сплюнул на землю. Затем он подобострастно засуетился:

— Главарь, главарь, идите сюда, отдохните! Мы сейчас разожжем огонь, отдыхайте скорее.

Трое нищих принялись перекладывать солому, подняв в храме облако пыли. Из этого облака появился человек, выглядевший моложе остальных.

Этот главарь был высокого роста, но сильно сутулился. На голове у него была рваная тряпичная шапка, скрывавшая верхнюю часть лица, а через плечо висела большая заплатанная сумка. Его лицо, казалось, не знало воды месяцами: желто-черная грязь полностью скрывала черты. Из-под лохмотьев виднелись грязные руки и ступни.

Главарь тяжело опустился на солому и закашлялся от пыли.

— Твари, хватит суетиться, идите лучше воды принесите, — он толкнул плешивого.

Тот закивал:

— Сейчас, сейчас! — и, в свою очередь, пихнул хромого нищего: — Чего застыл? Беги за водой!

Хромой, прихрамывая, схватил старый глиняный горшок и поспешил наружу. Главарь лениво покосился на Ван Шэна. Плешивый тут же рывкнул:

— Чего молчишь? Приветствуй главаря!

Ван Шэн растерялся, но после короткой паузы сухо выдавил:

— Главарь.

Тот довольно хмыкнул, явно довольный новым подчиненным. Ван Шэн про себя подумал: вот же кому-то приспичило быть главным.

Вода в горшке начала закипать. Трое нищих с подобострастным ожиданием смотрели на главаря. Тот немного потянул время, наслаждаясь лестью, а затем достал из своей сумки несколько крупных, пусть и не первой свежести, лепешек. Он раздал их остальным, и те жадно впились в еду. Главарь тоже принялся неспешно жевать свою лепешку.

Когда вода закипела, главарь только потянулся к горшку, как тощий нищий, похожий на старую обезьяну, тут же подскочил:

— Главарь, позвольте мне!

Он начал разливать кипяток по щербатым чашкам. Главарь бросил взгляд на Ван Шэна и протянул ему лепешку. Ван Шэн, не успев подумать, машинально взял её.

— Дурень, чего застыл? Благодарю главаря! — прошипел хромой.

Ван Шэн опомнился и, подражая остальным, согнулся в поклоне:

— Спасибо, главарь, спасибо!

Лепешка оказалась мягкой и на вкус даже сладковатой — удивительно для такого места. Ван Шэн ел, не проронив ни слова, и его глаза слегка покраснели. Заметив это, хромой нищий молча налил ему чашку кипятка.

— Благодарю, — тихо сказал Ван Шэн и принялся пить горячую воду.

Сытный обед придал ему сил, и вскоре он уснул у костра вместе с остальными. Это был самый спокойный сон за последние дни.

Пока Ван Шэн спал, главарь внимательно разглядывал его. Волдыри на лице явно от ожогов, руки грязные, но под рукавами кожа чистая. Лодыжки в грязи, но чуть выше — чисто. Ест без жадности, благодарит за воду. Главарь с нечитаемым выражением отвел взгляд и перевернулся на другой бок.

На следующее утро Ван Шэн проснулся, когда солнце было уже высоко. Почувствовав

приближение кого-то, он резко вскочил и отпрянул назад. Его бурная реакция испугала хромого, который хотел его разбудить. Это были отголоски недавнего бегства.

Ван Шэн понял, что переборщил, но не знал, что сказать, и лишь молча смотрел на старика.

— Дурень, не надейся на дармовщину, — сказал плешивый. — Пойдешь с нами в город просить милостыню. С такой рожей у тебя будет хороший улов.

Ван Шэн, с таким трудом выбравшийся из города, испугался:

— Я не пойду, не пойду.

— У нищего не должно быть гордости! Хочешь есть — иди, — настаивал плешивый.

Ван Шэн продолжал мотать головой и отступать. Главварь спокойно произнес:

— Ладно, пускай Дурень идет с Хромым собирать хворост. А мы втроем пойдем в город.

Спорить никто не стал. Вскоре они разошлись, и у Ван Шэна появилось новое имя — Дурень.

По дороге в горы Хромой без умолку болтал:

— Эх, Дурень, у нищих свои правила. Гордость — это ерунда, главное — набить брюхо.

Ван Шэн молчал, лишь изредка кивая. Увидев, что парень не огрызается, Хромой смягчился:

— Это у тебя ожоги на лице?

Ван Шэн кивнул.

— Если не лечить, долго заживать будут, воспалятся, — сказал Хромой. — У нас в деревне знали средство, правда, больно будет. Хочешь попробовать?

Ван Шэну было всё равно, но он снова кивнул.

— Хорошо, наберем полыни, сделаем отвар. Метод старый, зато проверенный.

Вернувшись с хворостом, они застали главаря в храме. Тот был чем-то занят, а его сумка выглядела подозрительно тяжелой. Хромой развел огонь и положил полынь сушиться — он

собирался сжечь её в пепел и приложить к ранам Ван Шэна. Главварь, увидев это, молча вышел из храма.

Вскоре вернулись Плешивый и Обезьяна. Плешивый с гордостью подбрасывал две медные монетки.

— Ого, какие молодцы! — позавидовал Хромой.

Обезьяна добавил:

— Это всё удача Плешивого! Скоро сможем купить свиную голову на ужин.

Плешивый огляделся:

— А где главварь?

— Ушел куда-то, — ответил Хромой.

Через некоторое время главварь вернулся, неся небольшую бутылку вина. Глаза нищих загорелись. Ван Шэн удивился: у нищих есть деньги на вино?

Разлив вино по щербатым чашкам, главварь вдруг сказал:

— Дурень, тебе нельзя.

Нищие переглянулись. Плешивый решил, что новичку просто не положено, и потянулся к чашке Ван Шэна, но тот сам хотел отдать её. Главварь преградил путь рукой. Хромой спохватился:

— Точно, у него же раны! Но этим вином можно промыть лицо перед тем, как накладывать пепел. Будет больно, но заживет быстрее.

После обеда пришло время лечения. Хромой дрожащими руками взял раскаленную иглу и начал вскрывать волдыри на лице Ван Шэна. Тот сжал зубы, не издав ни звука, хотя кровь и гной стекали по щекам. Лицо стало выглядеть ещё страшнее — жуткое зрелище.

Хромой, глядя на уцелевшую левую часть лица, вздохнул: видно было, что парень был когда-то очень красив. Когда всё было готово, Хромой взял вино. Руки у него тряслись, он боялся пролить драгоценную жидкость. В итоге он взял пучок полыни, обмакнул в вино и прижал к лицу Ван Шэна.

Тот содрогнулся от боли, пот градом катился по лбу, он вцепился пальцами в колени. Обезьяна не выдержал и вышел, Плешивый перестал играть монетами, а главарь не сводил с Ван Шэна пристального взгляда.

После промывки Хромой густо засыпал лицо пеплом от полыни, который тут же впитал остатки крови и гноя. Ван Шэн, измученный болью, провалился в тяжелый сон.

Когда всё было кончено, Хромой был мокрым от пота, словно это его самого резали. Главарь молча поднялся и ушел, никого не спросив.

— Видал? — сказал Плешивый, выйдя на улицу. — Крепкий орешек этот Дурень, ни звука не издал.

— Жалко его, — вздохнул Обезьяна. — Такой молодой, а лицо изуродовано. Кто ж его теперь замуж возьмет? Тьфу, то есть, кто за него пойдет...

Через некоторое время Ван Шэн проснулся в одиночестве. Он первым делом ощупал грудь — пилюля Юань-ин, зашитая в одежду, была на месте. Он облегченно вздохнул.

Ван Шэн с трудом поднялся, взял горшок и пошел к реке. В отражении он увидел свое лицо: покрытое черным пеплом, оно больше не сочилось гноем, боль немного утихла. Одежда, пропитанная вином, кровью и грязью, задубела и стояла колом.

Теперь он выглядел даже хуже, чем остальные нищие. Он был неузнаваем.

<http://bllate.org/book/18848/1837502>